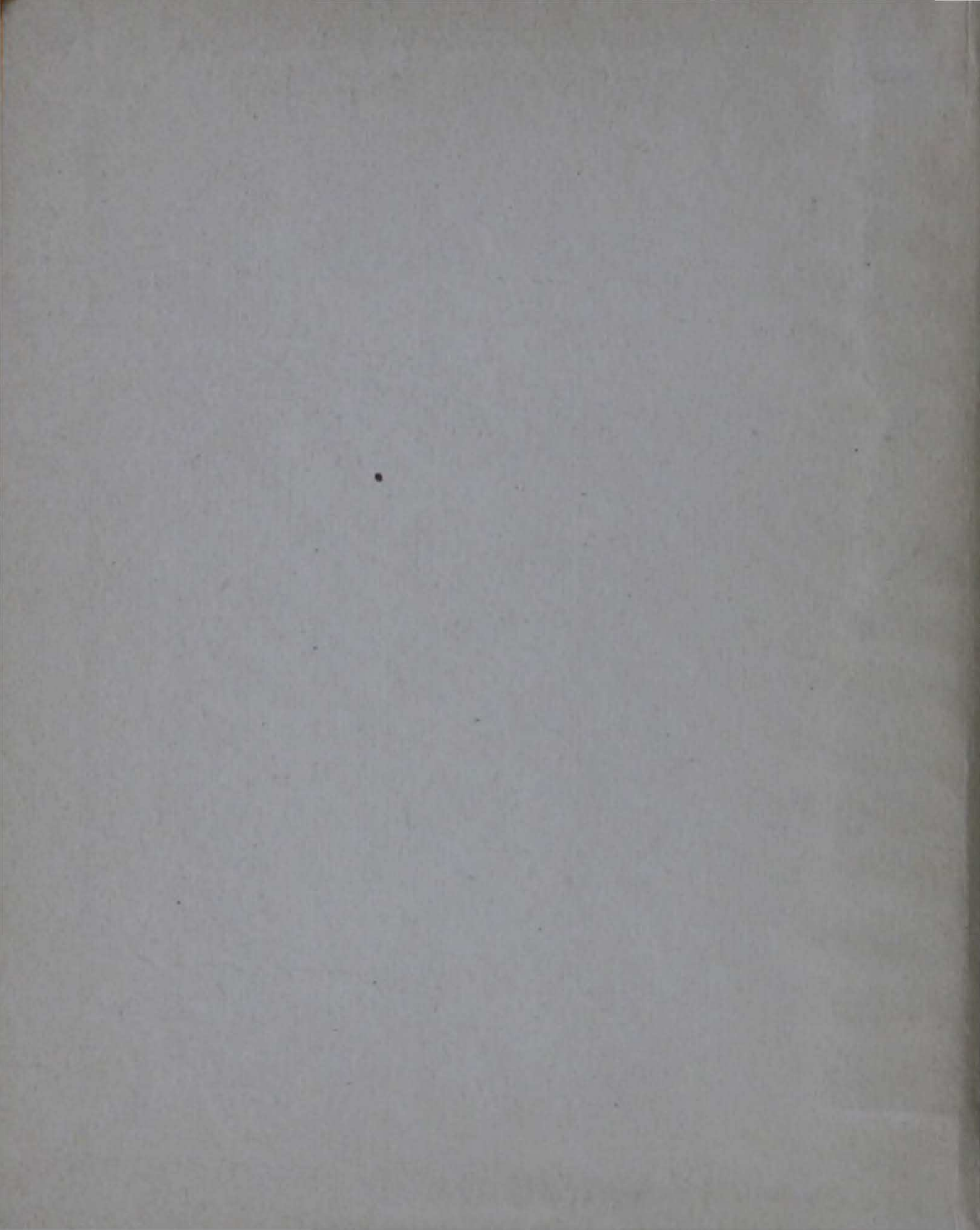
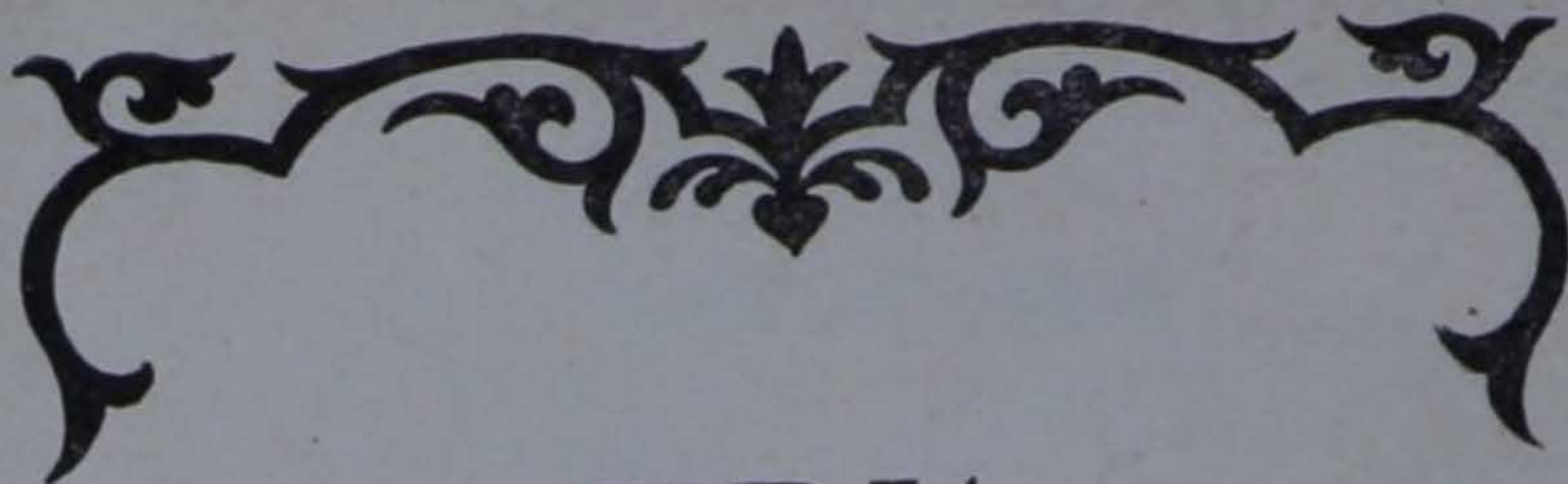

Г 2004
1948 к

ТРИ
КАЗАХСКИЕ
ПОЭМЫ

Г 2004/1948к

ТРИ
КАЗАХСКИЕ
ПОЭМЫ

Авторизованный перевод
Николая Сидоренко

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛМА-АТА — 1957

Редактор *П. Есенберлин*. Художник *К. Хамитов*.
Техредактор *С. Ищанов*. Корректор *М. Кац*.

Подписано к печати 31/1 1957 года. УГ01349. Изд № 27.
Формат $70 \times 10^{1/32} = 7$ п. л.—9,59 уч.-п. л. (8,83 уч.-изд. л.) Тираж 8000.
Цена 5 руб. 45 коп.

Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР.
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 31. Заказ № 17.

САБИТ МУКАНОВ

СУЛУШАШ

ТОРЖЕСТВО

1

Жил бай Тлеуберди, богатый, властный,
Он угнетал и обирал народ.
Стада и табуны коней отборных
В его степях гуляли круглый год.
Любой скакун и быстроног и строен,
Кровей горячих, золотых пород.
Верблюжий крик и тонкий плач овечий
Будили тишь солончаковых вод.

Был молод бай. Своих джититов храбрых
Он одевал в цветистые шелка,
И на охоту с беркутом, с борзыми
Они скакали... Тихая река
Гнездовьями гусей тяжелых, уток
К себе манила их издалека,
И зоркий беркут, пущенный за птицей,
Кружил над зарослями тростника.

Счастливец тот, кто с баем в крепкой дружбе!
Враг проходил с опаской стороной.
Друзья же запросто сидели с баем
И кумыса прохладною струей
Конину запивали; и послушны
Тлеуберди старшины все... С собой

Доволен бай; он в силе и достатке;
Он — дикий конь, он незнаком с уздой.

Семь поколений жили так богато.
Был роду властному всегда покорен край:
Тенгиз и Шортанди, и Сонали с Ешимом,
Кулан-отбес, Нура и Талас-сай.
На севере был Терс-аккан границей...
Живее, раб, верблюдов погоняй!
От злых ветров на берег Коргалжина
Стада и табуны уводит бай.

...Тлеуберди искал себе невесту —
Красавицу и равную во всем.
За Алтынай, что всей степи известна,
Коней дал тысячу — большой калым!¹ Огнем
Сверкала шерсть на скакунах гривастых;
Верблюдов сотня, двигаясь с трудом,
Везла приданое; за караваном
Рабы шагали. В их толпе, вдвоем,

Шел раб Шунак с женой Тезек; любили
Они друг друга. Так весной цветок,
К цветку другому чашечку склоняя,
Чуть слышно шепчет: ты не одинок...
Они от дедов, горемыки, знали:
Печаль и радость в свой приходят срок.
На третий год и к ним явилась радость —
В семье Шунака родился сынок.

Родись ребенок в белой байской юрте,
Так в честь его устроили бы той²:
Кололи б скот, кумыс бы вволю пили,

¹ К а л ы м — выкуп за невесту.

² Т о й — пир.

Аулы съехались шумливою семьей —
Наследника бы льстиво восхваляли...
Что ж сына ждет рабыни молодой?
Кто рад ему? Кому, зачем он нужен,
С рожденья обездоленный судьбой?

В семье раба нет шелковых пеленок.
В семье раба истертый войлок есть.
К рабу мулла не явится с поклоном,
Чтоб имя дать, молитву произнести:
Мулле известно, что в семье Шунака
Самим частенько нечего поесть.
И сына сам Шунак назвал Алтаем.
Он видел в нем и жизнь свою, и честь.

Бай, издеваясь, говорил с усмешкой:
«Лишь новый раб родится от раба»...
Отец и мать работают на бая, —
Кричи и плачь — вот рабская судьба;
Тебе не спать вовек в хорошей люльке,
Грязна твоя подстилка и груба.
И не споет тебе никто, мой мальчик,
Что степь родная ночью голуба...

Все ж мальчик вырос: сын раба не умер,
Наперекор всем бедам. Как сосна,
Он строен был. Сильны крутые плечи,
Ясны глаза и лоб широк. Луна
Бледнела рядом с молодым джигитом.
Он расцветал, как роза гор. Весна
Дыханьем грела юного Алтая,
Тепло лучей отдав ему сполна.

Едва над степью розовели звезды, —
Алтай вставал, работать к баю шел.
Он пас ягнят, таскал дрова и к ночи

Валился замертво на голый пол.
Злость байбише¹, издевки слуг продажных
Гнилое мясо, байский произвол —
Он все терпел без стонов и без жалоб.
Удел раба несправного тяжел.

Он с детства был упрямым и угрюмым,
Затравленным, как одиночка волк.
Он с колыбели слышал лишь насмешки,
Попреки, брань, бичей ременных щелк.
Дарила жизнь ему дырявый войлок,
А баям — бархат и цветистый шелк.
Под байским гнетом с колыбели рос он,
В степных сословьях понимая толк.

2

Спустя три года после пышной свадьбы
Родилась девочка у Алтынай,
И в честь ее большой был той устроен;
Ей дали имя Сулушаш... Весь край
Приветствовал рожденье байской дочки.
Она росла не так, как рос Алтай.
И сладости и дорогие камни, —
Все у нее, чего ни пожелай.

Прекрасна Сулушаш в шестнадцать весен!
Ее коса, как черный водопад.
Глаза, как спелые смородины. Ресницы,
Как шелковинки, что вот-вот взлетят.
Крутые брови ей волшебник создал.
Меж алых губ блестит жемчужин ряд.
Улыбка светит незакатным солнцем.
Румянцем щеки Сулушаш горят.

¹ Байбише — здесь — старшая жена.

Она стройна, как юный лебедь белый.
Она нежна, как ветерок степей.
Грудь высока. Легка походка. Голос
Чист, звонок и прозрачен, как ручей.
Красивы пальцы Сулушаш, как будто
Они из серебра... В угоду ей
Природа ничего не пожалела, —
Все отдала из кладовой своей.

Под песню сверстниц заплетая косы,
Каменья драгоценные она
Вплетала в них. Шлифовщики каменьев
Ей привели в подарок скакуна
За прославление хитрой их работы:
Каменья в черных косах дотемна
Переливались радугой чудесной,
А ночью отражалась в них луна.

Любила Сулушаш степную скачку,
Когда в лицо горячий ветер бьет.
Степная скачка — утешенье сердцу.
Бери любото иноходца; вот
Они крапят у коновязи; этот
Красной лисы, и в серых пятнах тот.
Скачи, лети, мчись на незримых крыльях
До самых гор, до самых дальних вод!

Мурзы¹ аула красотой смелой
Покорены все были, и привлечь
Вниманье девушки старался каждый:
Один в смущенье обращал к ней речь,
Другой пытался поднести подарок...
Она ж улыбкой иль пожатьем плеч

¹ Мурза — здесь — господин.

Докучливым джигитам отвечала,
Прося их пылкость для других беречь.

3

Года быстры, как пущенные стрелы...
Казалось, детство было лишь вчера.
Казалось, детство бесконечным будет,
И в куклы не окончится игра.
Алтай, ровесник, забегал к ней в юрту,
И памятные эти вечера
В забавах проходили незаметно.
Счастливая, беспечная пора!

Красивы были Сулушаш с Алтаем,
Но никогда не думали они,
Что детство, словно мак степной, не вечно
И что для них наступят скоро дни,
Когда сердца огонь любви охватит
И взоры скажут: мы с тобой одни.
Мой друг, моя любовь, моя надежда.
Ты хоть украдкой на меня взгляни...

{ Чалму весны надел тюльпан, и степи
Роскошными коврами зацвели.
На быстрых речках ветер носит пену,
На пастбищах качает ковыли.
Кусты стоят в зеленых светлых платьях,
Как будто девушки к воде пришли,
И соловей, подняв открытый клювик,
Поет о пробуждении земли.

Весну в аулах встретили весельем.
Но мало кумыса у бедняков,
Богатым надо кланяться. У бая

По майским травам заливных лугов
Кобылы бродят, радуясь теплыни,
Зимою ветер был в степи суров.
Бай ходит с миской — мажет простоквашей
Крестцы широкогрудых жеребцов¹.

К реке поближе стягивались юрты.
Верблюды с кладью горделиво шли:
Подарки мудрецам белобородым
С собой главы аулов привезли;
Все юноши невест себе искали;
Беседу их отцы в кругу вели:
Скот нынче жирный и кумыс отменный —
Дары просторной, ласковой земли.

Алтай хотел проведать мать однажды.
К жердям всех привязавши жеребят,
Он к ней отправился, а ноги сами
Свернули к юрте Сулушаш; назад
Алтай пошел, кошму у входа поднял,
Волос увидел черный водопад;
Лицо любимой счастье озарило,
И в первый раз во всем признался взгляд.

К ее ногам упал Алтай, воскликнув:
«Ты так прекрасна! Как звезда светла!
Мы здесь одни в твоей девичьей юрте,
Ты искру в сердце заронить смогла;
Оно зажглось; оно в груди пылает.
Огонь шумит, прочь убегает мгла.
Туши сама... А если не захочешь —
Погибну пусть. Пускай сгорю дотла!

¹ Старинный обычай, якобы повышающий производительность.

И покраснела Сулушаш, смутилась.
Сказать хотела: «власть теперь твоя»,
И не смогла, не разомкнулись губы.
«Твое волнение понимаю я», —
Алтай ответил. Обнял Сулушаш он,
Поцеловал... И на закате дня
Они слились и запылали вместе,
Как два весенних, молодых огня.

...Когда он вышел под степное небо,
Подумалось невольно о другом:
Он — сын раба, он — первенец рабыни,
Он до могилы будет лишь рабом.
Еще недавно кровянил он ноги,
Когда за стадом бегал босиком.
Уж так ведется: счастье все — богатым,
А бедный с горем да нуждой знаком.

Рабу сегодня счастье улыбнулось —
Дочь байская была нежна, проста...
Домой идет он. Медленно шагая,
Он замечтался, и его мечта
Взлетела к солнцу, обжигая крылья.
А юрта у мечтателя пуста!
«Чем славен ты? В ярме всю жизнь шагаешь
Под вечный свист хозяйского кнута?»

Кто молодости враг, друзья, скажите?
Как наша с вами юность коротка!
Она, как пламя жадное, пылает,
Перебегая на сучок с сучка,
Давая нам любовь, надежду, силу,
Ей даже в бурю нипочем река...
В огонь любви, Алтай, ты сердце бросил, —
И не найдешь в золе ни уголька.

Еще разлуки горькой не предвидя,
Алтай не думал о грядущем дне,
С ним Сулушаш, и он богаче бая!
Степь — голубое море при луне.
Ему шептали звезды: «Доброй ночи», —
И дальше проплывали в вышине.
И снова он пошел к своей любимой.
Она ждала Алтая в тишине...

В степи всплывая, золотое утро
Просовывало лучик под кошму,
Когда Алтай с возлюбленной прощался.
Она в слезах смотрела вслед ему.
Аул дремал. Шли табуны... Казался
Весь мир покорным силе и уму
Алтая смелого. Подвластны горы,
Подвластна степь ему лишь одному!

4

Тлеуберди велел держать всю зиму
Своих коней на берегах Нуры.
Корм из-под снега кони добывали,
Раскапывая снежные бугры
Ударами копыт. Буран и холод —
Когда в степи особенно остры
Иголки льдинок — табунам грозили.
Спят пастбища под снегом до поры.

Бескрайна степь, безмолвна степь под снегом,
И холодно голодным пастухам;
И палка старшины Карашунака
Неумолимо гонит их к дверям.
Им лед — постелью, белый снег — подушкой;
Шалаш дырявый с горем пополам

От ветра укрывает. Ночью волки
Ползут на брюхе к жирным табунам.

Там — наш Алтай... По Сулушаш тоскуя,
За табунами ездит на коне.
То мчится вскачь, чтобы печаль развеять,
То пустит шагом в странном полусне,
В каком-то забытии, в круженье длинном,
В блужданье смутном, в зимней белизне.
О Сулушаш с глазами верблюжонка,
Тоскуешь ли ты так же обо мне?!

Конь у Алтая был гнедой и статный,
Со звездочкой на лбу. Он сквозь шургу,
Сквозь тьму ночей, сквозь снежные завесы,
Сквозь ветер на открытом берегу,
Через кусты, сугробы и овраги
Мог проскакать, был легок на бегу.
Летит, ну, прямо не скакун, а птица,
Следов не остается на снегу!

Алтай коня берег, не бил, не мучил...
Зима степей томительно длинна.
Ему хотелось к Сулушаш скорее,
Глаза закроеет — перед ним она
Стоит и улыбается, и манит
Горячим взором, нежности полна.
С покатых плеч, блестя, к ногам струится
Густых волос тяжелая волна...

Свой зимний саван свертывали степи,
Родился ночью ручеек весны,
И с пастбищ зимних на дымок аула
К стоянке возвращались табуны.
«Любовь моя! Ты с каждым шагом ближе», —
Мечтал Алтай и часто видел сны...

Карашунак же думал — скажет баю,
Что кони все здоровы и жирны.

Вот стойбище наутро показалось:
Река, луга. «Иди, мой конь, иди,—
Так говорил Алтай гнедому другу
Вблизи аула. — Дела впереди
С тобой нам хватит». Сердце замирало.
То жар, то холод нарастал в груди.
Карашунак, на землю ловко спрыгнув,
С докладом побежал к Тлеуберди.

5

Был полдень. Привязав к луке поводья,
Алтай сошел с усталого коня.
Вдруг он заметил: облачко клубилось,
Как легкий дым незримого огня.
Вот виден конь — он вырвался из пыли,
И мчался вскачь, уздечкою звеня.
Скакал джигит на белом иноходце
Под пологом синеющего дня.

И все узнали ловкого Сеиля.
Пошли навстречу целою толпой.
С коня в траву спадали хлопья пены,
Он весь дрожал, почуя водопой.
Все поздоровались. «Ну как доехал?» —
Джигита спрашивали вперебой.
Сеиль Алтая отозвал в сторонку:
«Мне надо, друг, поговорить с тобой.
Я от красавицы, тебе известной,
Привез поклон. Сказала так она:
«Я к быстрым струям Терен-сай певучей
В день пятницы приеду; тишина

Одна услышит разговоры наши.
Я обещаю данному верна».
Обдумай все и дай ответ, и тут же
Я погоню обратно скакуна».

Забилось сильно сердце у Алтая,
И необычная прошла по телу дрожь.
Но ни один в лице не дрогнул мускул.
Так по скале гранитной не поймешь —
Жар или холод в камне затаился.
О Сулушаш! На радость ли зовешь?
Безмерным счастьем ты наполнишь сердце
Иль, может, горе в душу мне плеснешь?

«Прощай, Сеиль! Скажи, что буду к сроку
На берегу певучей Терен-сай.
Скачи, Сеиль!» И рядом сев с Кайсаром,
Все другу детства рассказал Алтай:
«Любимая светильником полночным
Горит передо мной... Кружись, взлетай,
Как мотылек, мое больное сердце,
И крылышки цветные обжигай!

Что делать мне? Зачем мне жить на свете,
Когда ее другой уводит путь?
Пойми, Кайсар, что только смерти холод
Вселит покой в измученную грудь.
Я — сам не свой. Меня гнетет сомненье,
И по ночам не в силах я уснуть...»
«Вот мой совет, — ему Кайсар ответил, —
Не торопись и осторожен будь».

Настала ночь. И черным стало небо,
Как будто бы незримая рука
Кошмою толстой все вокруг накрыла,
Не сохранив во тьме ни огонька...

Сойдясь к костру — к котлу с вареным мясом,
За ужин сели пастухи; пока
Шла трапеза, Алтай тревожно думал:
«Чем завтра встретит Терен-сай река?»

Конь Тортобель копытом бил о землю.
Ушами прыдал, фыркал, тихо ржал,
Косил глазами, тряс густою гривой
И розовые ноздри раздувал,
Всем видом выражая беспокойство, —
Он хорошо Алтая понимал.
«Да будет легкою твоя дорога», —
Алтай коню негромко пожелал.

Бледнела ночь, когда Алтай с Кайсаром
Вскочили в седла. «Злой вас дух смутил?
Куда вы едете, еще ведь рано», —
Старик пастух приятелей спросил.
«Мы? К табунам, — ему Алтай ответил. —
Вперед, Кайсар!» — и вскачь коня пустил.
Про дальний путь лишь ветер знал — попутчик,
Что их коней легко опередил.

По небу тучи плыли и не плыли...
Свистели гривы. Стлались ковыли,
Двум всадникам поклоны отдавая.
А в стороне, касаясь чуть земли,
Летел стрелой степной ушастый заяц:
С ним состязались всадники; в пыли
Порой скрывались лошади и люди —
Две шапки лишь маячили вдали.

Но под ногами рытвины и камни —
Все ж различали кони. Свист ветров
Ловили чутко уши иноходцев...
Когда же всплыл рассвет из-за холмов

И дрогнул сумрак — сердце у Алтая
С ним вместе дрогнуло; синь берегов
Увидел он: «Вог и конец дороги.
Стой, Тортобель. Тут встреча. Я готов...»

Кошму ночную свертывало небо.
Нахлынет скоро солнечный поток.
Густой отарой сумрачные тучи
На запад шли. Чуть розовел восток.
Речные птицы громкой перекличкой
Приветствовали двух друзей... У ног
Река бурлила. Водяного шума
Весь мир пернатых заглушить не мог.

Алтай кусал травинку в нетерпенье,
Прислушивался. «Друг, не торопись», —
Сказал Алтаю ветер перелетный.
Перед рассветом отступая ввысь,
Промолвила Медведица Большая:
«Уж я стара; ты — молод, не сердись;
Приедет милая...» Кричали гуси:
«Зачем так рано люди поднялись?...»

Алтай услышал топот в отдаленье;
И стал он вглядываться в даль остро:
В сырой степи, как птицы, стлались кони.
Сквозь смутное рассвета серебро
Он увидал: на белом иноходце
Любовь скакала. Филина перо
Над головой от ветра трепетало.
«Что мне везут — несчастье иль добро?»

Коня на всем скаку остановила
Рукою сильной Сулушаш; потом
Сошла с седла; и обнялися крепко

Влюбленные... Когда любви огнем
Охвачены два юных пылких сердца,
Им нужно биться в тишине вдвоем.
Смотрели юные в глаза друг другу,
Как смотрит небо в синий водоем.

Чтоб глаз чужой на берегу пологом
Их не заметил, сели на коней
И тронулись к кустарнику густому.
Влюбленные среди преданных людей —
Друзей своих — не чувствовали страха.
Чтоб время проходило веселей,
Подруги Сулушаш в пути шутили.
Кайсар смеялся... В тростниках гусей

Они вспугнули. Шелковые травы
Пред Сулушаш склоняли стебельки,
И, вторя песне сердца, пели птицы
О счастье человеческом; звонки
И радостно-беспечно были трели...
И шум умолк стремительной реки.
В лазурном небе облако застыло,
Утихли за холмами ветерки.

«Друзья мои, — сказал Кайсар, — оставим
Алтая с милою наедине.
Нам здесь нельзя беспечно веселиться, —
Заметить могут, и, поверьте мне,
Всем будет худо. Только час короткий
Свиданью дан. Давайте в стороне
Мы подождем влюбленных. Охранять их
Один я буду на своем коне...»

В густой листве, на берегу пологом
Влюбленные остались. Всюду тишь...

Два лебедя на заводи зеркальной
Друг друга гладили. «Не улетишь?»—
Казалось, птица спрашивала птицу.
Лучи дрожали, зеленел камыш.
У каждого тревожно сердце билось:
Любовь моя, ну что же ты молчишь?

В тени кустов смородина блестела,
Как Сулушаш глаза. Дрожал цветок,
Как сердце милого. Роса казалась
Слезой любви на тонкой коже щек.
А соловей, что маленькую флейту
Укрыл в листве, от песни изнемог.
Дробясь в воде и землю озаряя,
Сияло солнце с голубых дорог.

На быстрых крыльях мчался час свиданья,
Наполовину пройден солнца путь.
Пора расстаться, но любви объятья
Так тяжело, так больно разомкнуть!
И сердце сердцу говорит с тоскою:
Один лишь миг еще со мной побудь...
Когда они к коням пошли обратно,
Вздыхалась тяжело у Алтая грудь.

О чем он думал — сын раба Шунака?
О чине, о богатстве? Почему
Ему печалиться? Ведь он не старец,
Сходящий тихо в гробовую тьму.
Свободный ветер солнечного неба,
Как лучший друг, спускается к нему...
Так почему ж тоска сжимает сердце?
Понятно то Алтаю одному.

Что значат чин, богатство или слава,
Когда ты с детства знался с нищетой?